

УДК 343.848:364.04

DOI 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.034-043

НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА КРАЙНОВА,

кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
e-mail: kraynova.n@unecon.ru

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО (ИНФОРМАЦИОННОГО) ОБЩЕСТВА: ОТ ИДЕИ ДО ВОПЛОЩЕНИЯ

Для цитирования

Крайнова, Н. А. Ресоциализация осужденных в условиях постиндустриального (информационного) общества: от идеи до воплощения / Н. А. Крайнова // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16(1–4), № 1. – С. 34–43. – DOI : 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).1.034-043.

Аннотация. В статье рассматриваются понятие ресоциализации, концептуальные подходы к законодательному закреплению и практическому воплощению идей о ресоциализации осужденных и потерпевших в условиях постиндустриального (информационного) общества. На основе проведенного исследования демонстрируется необходимость пересмотра устоявшихся подходов к феномену ресоциализации с позиций соблюдения баланса в интересах безопасности общества и государства. Ресоциализация рассматривается как процесс восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемый на основе применения комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса. Анализируется существующая система исправительного воздействия в отношении осужденных и аргументируется разделение функций между органами уголовно-исполнительной системы и специально создаваемыми в системе Минюста России органами, деятельность которых будет направлена на ресоциализацию осужденных. Постиндустриальное (информационное) общество создает почву для появления новых преступных деяний, противодействие которым также требует новых подходов. В статье приводятся аргументы в пользу активного использования ресоциализационного подхода в системе противодействия преступности. Постиндустриальное (информационное) общество – это общество со смещенными ценностями, непредсказуемой эволюцией и жизнью в условиях чрезвычайной ситуации. Человек, его права, свободы, интеллектуальное и культурное развитие

© Крайнова Н. А., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

должны оставаться главным приоритетом. Процессы социализации и ресоциализации человека в постиндустриальном обществе приобретают особое значение.

Ключевые слова: ресоциализация, информационное общество, осужденные, потерпевшие.

Современное общество можно характеризовать как общество постиндустриальное (информационное). Как отмечают исследователи, «для современного информационного пространства характерны высокая технологичность и глобальность... эволюция общества становится менее предсказуемой, чем в прошлом. Частично это является следствием усиления воздействия человека на природу, ведущего к изменению среды его обитания; частично это связано с убыстрением темпов эволюции, что побуждает общество и образующие его компоненты быстрее реагировать на происходящие изменения. И то и другое предполагает значительный сдвиг используемых человеком ресурсов от вещественных к информационным, что, по определению, характерно для постиндустриального общества» [1].

В постиндустриальном обществе акценты смещаются в сторону процессов, которые все менее зависят от человека. Технологии и релевантная информация становятся ценностным приоритетом, предопределяющим возможности управлять общественными процессами. Реалии таковы, что фактически тот, кто владеет информацией, «владеет миром». В такой ситуации практическую ценность приобретают новые подходы к уже устоявшимся взглядам, традиционным социальным, правовым институтам. Вопросы социального характера, формирования комфортной среды обитания для человека становятся ключевыми в актуальной повестке будущего десятилетия.

Вопросы, связанные с ресоциализацией, приобретают особое значение в постиндустриальном обществе. Социальная удовлетворенность, комфортность непосредственно связаны с безопасностью, состоянием защищенности, которое является важным условием развития и даже самого факта существования общества.

Совершение преступления свидетельствует о десоциализации. Представляется, что это утверждение верно по отношению не только к осужденным, но и к потерпевшим. Часто сам факт совершения преступления провоцируется аморальным или даже противоправным поведением потерпевшего. Однако особенно состояние десоциализации как преступника, так и потерпевшего проявляется в ситуациях домашнего насилия, которое может длиться годами.

Некоторые ученые, занимаясь исследованием проблем социализации/ресоциализации, отмечают, что в отношении преступников можно говорить об отсутствии социализации, термин «ресоциализация» к лицу, нарушившему закон, неприменим в принципе [2]. С таким утверждением трудно согласиться прежде всего потому, что нельзя говорить об отсутствии социализации в отношении человека, который умеет вести речь, ходить в магазин за покупками, общаться с другими людьми и т. д. Возможно, что в таких случаях мы можем констатировать факт минимальной социализации, недостаточной социализации, но никак не отсутствия ее.

Уголовно-правовое реагирование на совершение преступления предполагает определенное воздействие в отношении лица, его совершившего, что проявляется в назначении наказания или применении иной меры уголовно-правового характера. Это позволяет большинству исследователей рассуждать о том, что ресоциализация происходит только в отношении осужденных, и разрабатывать различные подходы к решению воз-

никающих в данном случае проблем [3]. Однако такая позиция отражает только часть проблемы и не позволяет решить ее в комплексе. Широкий подход к понятию ресоциализации, отправной точкой которой является совершение преступления, заставляет задуматься о том, что десоциализации подвергается также лицо, о совершении преступления которым правоохранительными органами еще неизвестно. Учитывая неутешительные официальные данные о раскрываемости преступлений, можно утверждать, что таких лиц в нашем обществе немало. Так, по данным ГИАЦ МВД России, в 2020 г. раскрываемость преступлений составила 51,7 %, осталось нераскрыто 963 752 преступления (URL : <https://мвд.рф/reports/item/22678184>).

Совершение преступления затрагивает интересы значительного круга лиц, являющихся потерпевшими в широком смысле этого слова. В конечном итоге условно потерпевшим от совершения преступления можно назвать все общество в целом. Открытое информационное пространство позволяет нам узнавать о каждом выявляемом правоохранительными органами преступлении, ином событии, которое может быть впоследствии квалифицировано как преступление. Потоки информации идут из самых разных источников, и современный человек вынужден пропускать их через свой некий внутренний «интеллектуальный фильтр», интерпретировать информацию. К чему это приводит, мы видим в окружающей нас действительности. Распространение информации может само приводить к совершению преступлений, провоцировать их. В связи с этим полагаем уместным придерживаться широкого подхода к ресоциализации как процессу восстановления индивида в качестве социализированного члена общества, осуществляемому на основе применения к лицу, совершившему преступление и осужденному за него и/или потерпевшему от преступления, мер безопасности, комплекса правовых, организационных, психолого-педагогических, воспитательных и иных мер воздействия с целью недопущения совершения противоправных деяний и/или восстановления социально-положительного статуса.

Постиндустриальному (информационному) обществу нужны конкретные ориентиры, на основе которых должна быть выстроена четкая стратегия развития. Главным действующим субъектом этого, безусловно, должно стать государство. Именно четко выстроенные, социально ориентированные государственно-властные структуры способны координировать информационные потоки и направлять их, контролировать происходящие в обществе процессы в целях обеспечения безопасности и соблюдения баланса интересов. Не случайно в п. 31 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, в качестве одного из стратегических национальных приоритетов названа государственная и общественная безопасность. Как представляется, идеи ресоциализации удачно вписываются в общую канву уголовной политики государства сквозь призму обеспечения национальной безопасности.

Если рассуждать с позиций безопасности общества, то можно говорить о том, что лица, совершившие преступления, представляют собой угрозу, которую необходимо нейтрализовывать, и в этом аспекте уголовная политика в сфере ресоциализации осужденных как раз и должна быть направлена на нейтрализацию негативных факторов, связанных с совершением преступления. Узкая трактовка ресоциализации исключительно как помощи осужденному (ст. 5 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации») существенно обедняет потенциал данного феномена, сужает сферу его действия. Государство должно не только думать о том, чтобы помочь осужденному включиться в законопослушную

жизнь, но и дать возможность ему жить согласно внутренним убеждениям, не принимая и не воспринимая общепринятые нормы, но относясь к ним нейтрально и не совершая преступлений, и здесь особое место должно быть отведено социальному контролю.

В постиндустриальном (информационном) обществе социальный контроль представляет собой не только контроль, осуществляемый государственными органами, но и общий контроль со стороны всего социума. В России контроль над лицами, совершившими преступления и осужденными, реализуется в основном посредством государственной функции административного надзора как меры постпенитенциарного контроля (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»).

Использование административного надзора в России имеет достаточно долгую историю, сопряженную с периодами забвения и возобновления действия. На данный момент, несмотря на имеющиеся недостатки, административный надзор в целом довольно успешно выполняет свои функции. По результатам проведенного нами исследования в сопоставлении с данными других исследователей, по сравнению с 2013 г., специалисты более позитивно оценивают результаты использования административного надзора (рис. 1).

Контрольные функции в отношении осужденных возложены на уголовно-исполнительные инспекции, исправительные центры, службу участковых уполномоченных, подразделения органов внутренних дел и т. д. Однако было бы преувеличением говорить о том, что этого достаточно. Опыт зарубежных стран показывает, что максимальных результатов в противодействии преступности удастся достичь там, где в реализацию функций социального контроля вовлечены и институты гражданского общества, отдель-

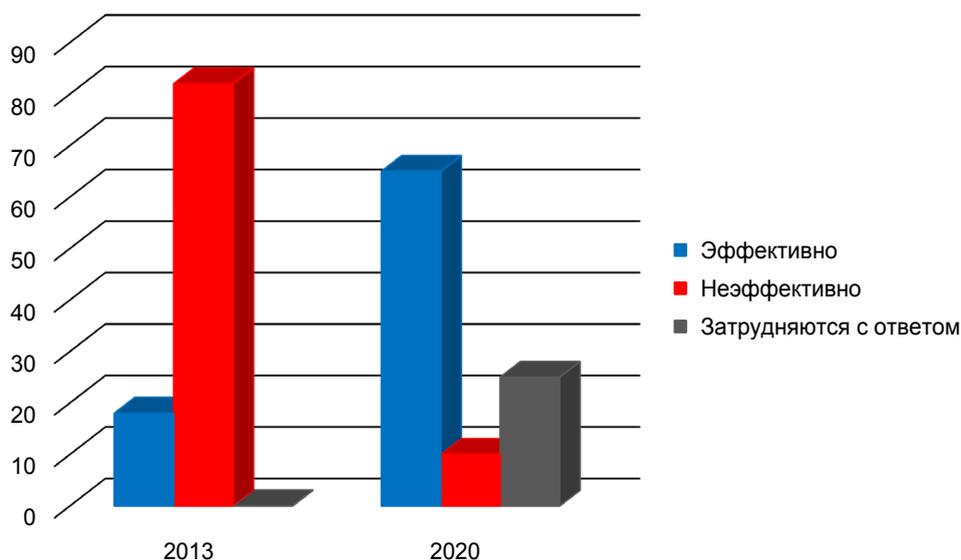

Рис. 1. Результаты опроса работников ФСИН России по отношению к эффективности административного надзора, % (данные за 2013 г. взяты из работы: Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Постпенитенциарный контроль и борьба с рецидивной преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 74–80; данные за 2020 г. – из опроса сотрудников (50 чел.) ФКУ ИК-6 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области)

ные члены социума. Весьма полезен в связи с этим опыт добровольчества. Например, японские специалисты отмечают, что «за последние 13 лет Япония переживает бум добровольческой деятельности, направленной на предупреждение преступности; около 3 млн японских граждан приняли участие в волонтерской деятельности с этой целью» [4]. Интересен опыт реализации программ, направленных на ресоциализацию преступников и предупреждение преступлений с их стороны, используемый США, например программа The Minnesota's Challenge Incarceration Program (CIP) («Вызов лишению свободы»), реализуемая в отношении осужденных за ненасильственные преступления и преступления против собственности [5]. Использование таких программ предполагает вовлечение негосударственных структур в добровольческую деятельность. Программы достаточно хорошо финансируются из государственного бюджета, и здесь, конечно, есть элемент финансовой привлекательности, однако главным должно быть сознательное, инициативное участие всего общества. Как отмечает П. В. Тепляшин, «основные проблемы, связанные с данным процессом, состоят, во-первых, в поддержке таких программ всеми силами общества, так, достижение положительного эффекта при той же социальной реабилитации зависит не только от должной работы специальных служб, но и от поддержки многих общественных формирований, социальных институтов, частных организаций и доверия граждан; во-вторых, в возможности адекватной оценки результатов работы сотрудников служб и в целом эффекта реабилитационной практики» [6, с. 35].

В России в последнее время много говорится об общественном воздействии и его роли в успешности процесса ресоциализации [7]. Намечилась тенденция развития добровольческой активности, государство поддерживает эту деятельность, а 2018 г. в Российской Федерации был объявлен годом добровольца. Действуют добровольцы и в информационном пространстве. Так, автономная некоммерческая организация «Центр антикриминального просвещения и социальной реабилитации правонарушителей „Криминон“» предлагает программы обучения для специалистов и осужденных и продвигает свои идеи через специально созданный сайт (URL : <https://criminon.ru>). В информационном пространстве функционируют и иные ресурсы, которые предлагают помощь и содействие бывшим осужденным, в основном это сайты, созданные самими осужденными. Справедливости ради следует отметить, что доля такого рода ресурсов в общем сегменте информации антикриминальной направленности весьма незначительна.

Работа добровольческих организаций, различных негосударственных структур является весьма действенным инструментом в системе предупреждения преступности, деятельности, связанной с ресоциализацией осужденных, однако она не является определяющей. Главенствующая роль в практической реализации идей ресоциализации должна принадлежать государству и финансироваться за счет него. Опыт зарубежных стран, активно привлекающих к этой деятельности представителей частного капитала, демонстрирует значительные трудности, связанные с необходимостью стимулирования такой деятельности путем установления различного рода льгот и преференций, реальных гарантий инвестиционной привлекательности для частного капитала. Следует учитывать также общую экономическую ситуацию в стране. В государстве, где население испытывает «экономическую нужду» и практически отсутствует социальная прослойка в виде среднего класса, рассчитывать на активное вовлечение частных инвесторов в деятельность, направленную на ресоциализацию осужденных, практически не приходится [7, с. 15]. Кроме того, следует учитывать и особенности национального менталитета.

В настоящее время государственные функции, связанные с ресоциализацией осужденных, выполняет по большей части уголовно-исполнительная система. Статья 1 УИК РФ в число задач уголовно-исполнительного законодательства включает оказание помощи в социальной адаптации. Развивая это положение, гл. 22 УИК РФ предусматривает нормы, касающиеся помощи освобождаемым от наказания и контроля за их поведением. Однако уголовно-исполнительное законодательство ориентировано только на подготовку осужденных к освобождению от отбытия наказания, судьба отбывшего наказание лица не входит в сферу действия пенитенциарной системы. Нормы ст. 182, 183 УИК РФ являются бланкетными и отсылают к иному законодательству, которого, по сути, и нет. Следует отметить, что в уголовно-исполнительной системе за последние 20 лет произошли значительные изменения и это коснулось в том числе вопросов социальной адаптации осужденных, подготовки их к освобождению. Специалисты отмечают деятельность общественных советов при ФСИН России и управлениях ФСИН России по субъектам Федерации, работу общественных наблюдательных комиссий (Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»), попечительских советов [7, с. 15]. Однако о максимальной эффективности такой деятельности речи не идет.

Специалистами уже достаточно давно предлагается создать службу, в функции которой входило бы оказание помощи в бытовом и трудовом устройстве, социальная поддержка, контроль за освободившимися от наказания лицами. Такой службой должна стать служба пробации (ФСП России). Как указывают специалисты, «в идеале служба пробации (далее – ФСП России) будет призвана решать задачи, связанные с достижением целей уголовного наказания. Целесообразно не подчинять ее непосредственно уголовно-исполнительной системе России, сохранив лишь ее подведомственность Министерству юстиции Российской Федерации» [8, с. 40]. Некоторыми исследователями высказывается предложение о создании такой службы на базе уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России [9, с. 4]. Однако полагаем, что в настоящее время перспективным вариантом представляется создание такой службы в системе Министерства юстиции Российской Федерации. Подразделения ФСИН России чрезвычайно перегружены, ведомство постоянно сотрясают коррупционные скандалы и истории о злоупотреблении полномочиями недобросовестными сотрудниками. Например, VIP-камеры для осужденных или применение насилия к осужденным, пытки и издевательства. Возлагать на ведомство дополнительную нагрузку было бы крайне нерационально.

В ходе проведенного нами исследования было установлено, что и сами сотрудники исправительных учреждений полагают, что действующая система исполнения наказаний не способствует ресоциализации осужденных, необходима совершенно определенная политика государства, направленная на комплексное решение проблем. По данным опроса сотрудников ФКУ ИК-6 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (50 респондентов), 62 % полагают действующую систему исполнения наказаний не способствующей ни ресоциализации, ни исправлению осужденных, в то время как только 8 % опрошенных считают, что учреждения уголовно-исполнительной системы могут исправить человека (30 % опрошенных затруднились с ответом).

90 % опрошенных нами сотрудников высказались за создание именно государственных центров помощи ранее судимым лицам, воздержались от ответа 10 % опрошенных. В комментариях респонденты отмечали необходимость именно государственного финансирования с тем, чтобы бывшие осужденные смогли получить эту помощь на безвозмездной основе.

В отношении создания в России службы пробации и того влияния, которое данная реформа окажет на состояние преступности в РФ, 74 % опрошенных затруднились с ответом, 6 % – предположили, что уровень преступности вырастет и 10 % – отметили, что такой шаг никак не скажется на состоянии преступности в России. 10 % опрошенных выбрали свой вариант ответа и в комментариях указывали на то, что в России аналог европейской системы службы пробации невозможен. Такие данные свидетельствуют о том, что сотрудники исправительного учреждения не знают о планах государства по созданию службы пробации, не понимают, что она собой представляет, и не верят, что создание такой службы принесет результат, а те сотрудники, которые владеют информацией о функционировании служб пробации в государствах Европы, понимают, что реализация аналогов таких служб в России будет затруднена.

Идея создания службы пробации в РФ уже близка к своему практическому воплощению. Так, 19 января 2021 г. в официальной ленте новостей ТАСС появилась информация о том, что «для создания эффективной системы пробации Минюстом России ведется подготовка проектов нормативных правовых актов, в том числе проекта федерального закона «О системе пробации в Российской Федерации» (URL : <https://tass.ru/obschestvo/10491433>). Относясь скептически к практической реализации любого рода аналогов европейских моделей на территории РФ без учета российской специфики, прежде всего терминологической (полагаем, что сам термин «пробация» не приживется в условиях российской действительности), выразим надежду на то, что подобная инициатива будет началом формирования четкого государственного подхода к решению проблемы ресоциализации осужденных, созданию государственной структуры, в чью компетенцию входил бы круг вопросов, связанных с ресоциализацией осужденных, контролем за их поведением.

Об отсутствии отлаженного механизма ресоциализации, государственной политики в данной сфере свидетельствует и рост рецидивной преступности. Проведенный анализ динамики числа лиц, совершивших преступления, за последние 17 лет демонстрирует рост количества ранее судимых лиц. Несмотря на незначительное снижение этого показателя за последние два года, в целом отрицательная динамика налицо. Такая тенденция может говорить об ухудшении структуры преступности: при значительном снижении общего показателя преступности растет количество рецидивов, а также о существующей концептуальной проблеме, связанной с неэффективностью действующего подхода к обращению с преступниками, необходимостью пересмотра сложившейся практики. Хотя, безусловно, нужно учитывать и то, что официальная статистика не отражает реального положения дел (рис. 2).

Определенным вызовом для современного постиндустриального (информационного) общества стал экспоненциальный рост числа преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). По данным МВД России, за 2017 г. было зарегистрировано 90 587 преступлений, совершенных с использованием ИКТ, за 2018 г. – 174 674 (+ 92,8 %), 2019 – 294 409 (+ 68,5 %), за 2020 год – 510 396 преступлений (+ 73,4 %). Удельный вес преступлений, совершенных с использованием ИКТ в 2020 г., увеличился по сравнению с прошлым годом и составил 25 % от общего числа преступлений. При этом раскрываемость таких преступлений крайне низка, колеблется на уровне 50 %.

Весьма значительное количество преступлений из числа совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий составляют мошенничества с использованием средств мобильной связи, смартфонов и иных мобильных

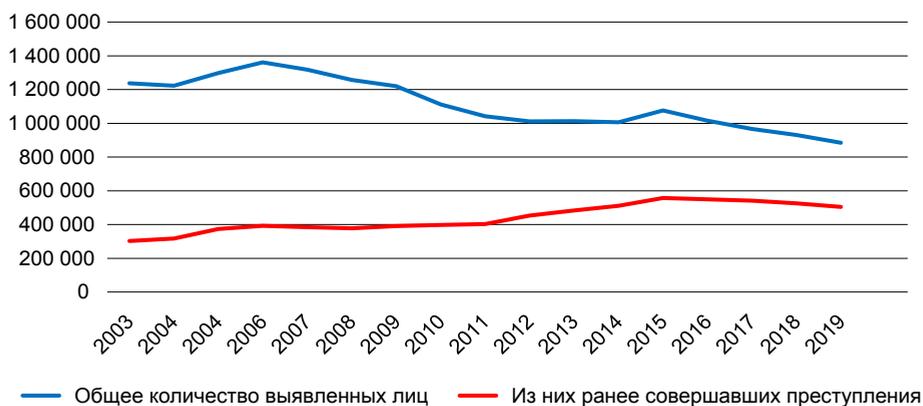

Рис. 2. Динамика числа выявленных лиц в сравнении с числом ранее судимых лиц (абсолютные данные).

Источник: официальный сайт МВД России.

URL : <https://мвд.рф.Deljatelnost/statistics>

устройств. Субъектами данных преступлений являются лица, отбывающие наказания в местах лишения свободы. Так, по данным информационного агентства ТАСС, «только в 2019 году в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) изъято 54,7 тыс. мобильных телефонов, за первое полугодие 2020 года – 22 тыс.». По словам руководителя управления по надзору за законностью исполнения уголовных наказаний Генпрокуратуры РФ В. Макарова, «большая часть телефонов изымается при попытках их доставки, но около 35 % – непосредственно у самих заключенных» (URL : <https://tass.ru/proisshestviya/10430899>).

С развитием технологий, расширением применения IT-инструментов в обыденном обороте человека ситуация с увеличением количества преступлений, совершенных с использованием ИКТ, будет только усугубляться. В последнее время изменения уголовного законодательства в большинстве случаев связаны с дополнением и изменением действующих статей таким квалифицирующим обстоятельством. Например, Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ ст. 128.1 УК РФ была изложена в новой редакции, предусматривающей такой признак, как клевета, «совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“». Думается, что в недалеком будущем такие дополнения ждут практически каждую статью УК РФ. Однако следует не только подумать о закреплении новых признаков преступлений в уголовном законодательстве, но и решать проблему комплексно.

Лица, совершающие преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий, являются весьма разнородной категорией, но в целом им присущи два общих признака: они владеют компетенциями в области IT-технологий, достаточно образованны и интеллектуальны и у них есть материальный достаток или социальные связи для того, чтобы приобрести устройства для доступа к ИКТ, то есть это достаточно социализированные с бытовой точки зрения личности. Как представляется, они в меньшей степени нуждаются в помощи в бытовом и трудовом устройстве, но тут необходима коррекция поведения.

Нередко у таких лиц за плечами не одно совершенное преступление, учитывая, что латентность такого рода деяний высока. Они достаточно хорошо вписываются в бытовую повседневность, ничем не отличаются от обычных людей, но считают для себя

возможным преступать закон, даже не в полной мере осознавая противоправность, оправдывая себя технологическими уязвимостями, которые они преодолевают. Как представляется, такие субъекты нуждаются в ресоциализации, но в данном случае ресоциализационные мероприятия будут заключаться в деятельности на ментальном уровне, психологическом контакте с преступником, направлении его интеллектуальных качеств в позитивное русло.

Представляет интерес работа подразделений МВД России с так называемыми белыми хакерами, когда замеченные в совершении незначительных правонарушений талантливые программисты и иные специалисты в области ИКТ привлекаются тем или иным образом к расследованию преступлений. Интересен также опыт ряда зарубежных стран, где в случае выявления преступника, допустившего неправомерный доступ к информации организации, сама данная организация привлекает его на работу с тем, чтобы он устранил ставшие ему известными уязвимости и тем самым повысил IT-безопасность компании. Компании также предлагают достаточно большое денежное вознаграждение тем лицам, которые предоставят им информацию об уязвимостях в информационной защите компании, что позволит защитить компанию от посягательства, а также предотвратить совершение преступления на самой ранней стадии.

Таким образом, можно отметить, что современное постиндустриальное (информационное) общество требует концептуального пересмотра подходов к устоявшимся отношениям. Система противодействия преступности уже не может быть ориентирована только на деятельность специализированных органов, необходимо использовать потенциал всего общества.

Для постиндустриального (информационного) общества характерно смещение акцентов в сторону использования технологий и информации. В таких условиях человек, его права и свободы должны остаться в зоне повышенного внимания. Необходимо акцентировать внимание на процессах социализации и ресоциализации человека, происходящих в обществе постоянно, учитывать, что в ресоциализации, помимо осужденных, нуждаются и потерпевшие.

Перспективным представляется создание в Российской Федерации центров ресоциализации, которые оказывали бы помощь и поддержку отбывшим наказание лицам, но необходим и социальный контроль, который должен осуществляться посредством государственной функции административного надзора, а также в форме общественного воздействия, добровольческой деятельности. Информационное общество, активно использующее новые технологии, порождает новые общественно опасные деяния, совершаемые субъектами, обладающими особыми личностными характеристиками. В отношении таких субъектов ресоциализационный подход будет более эффективен, чем карательный.

Библиографический список

1. Костюк В. Н. Информационные процессы в постиндустриальном обществе. URL : <https://docplayer.ru/36260991-Informationnye-processy-v-postindustrialnom-obshchestve.html> (дата обращения: 29.01.2021).

2. Лесников Г. Ю. Ресоциализация осужденных или социализация? URL : <https://www.criminologyclub.ru/home/3-last-sessions/410-2020-12-20-16-57-43.html> (дата обращения: 29.01.2021).

3. Адоевская О. Цели уголовно-исполнительной политики: не возмездие, а исправление и ресоциализация // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3(54). С. 31–38.

4. Herber, E. 2018, 'Crime prevention in Japan orchestration, representation and impact of a volunteering boom', *International Journal of Law, Crime and Justice*, vol. 54, pp. 102–110.

5. Challenge Incarceration Program (CIP). URL : <https://www.inmateaid.com/prisons/challenge-incarceration-program-cip-3183> (дата обращения: 29.11.2020).

6. Тепляшин П. В. Неолиберальное развитие пенитенциарных систем : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. 144 с.

7. Гарник С. В. Вызовы XXI века: государство и проблемы ресоциализации // *Законность и правопорядок*. 2020. № 2. С. 13–17.

8. Нестеров А. Ю. Перспективы развития института службы пробации в Российской Федерации // *Власть*. 2018. № 4. С. 40–47.

9. Тихонова И. Ю. Пробация и ресоциализация осужденных: модернизация взгляда на проблему и прикладной региональный аспект // *Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации*. 2020. № 8. С. 4–13.